«Что касается события, основания храма и монастыря, — продолжает автор, — то и тут мы не находим в повести ни малейшего отголоска исторической действительности, хотя бы в виде имени архиепископа. Архиепископом назван Иоанн, тогда как в эпоху основания храма был, как то нам достоверно известно, Давид» (с. 104).

Прибегая к такой аргументации, автор допускает, как видим, ту же самую, непростительную, методологическую ошибку, в которой несколько ниже (с. 104) упрекает других ученых, именно смешение «двух точек зрения: исторической и литературной, строгого фактического материала с произведением народной фантазии»; — автор забывает, что искусство совсем не ставит себе целью точное воспроизведение действительности, что составитель повести о Щиле, воспользовавшись своим, неоспоримым, правом художника, мог сознательно переработать исторические факты.

Во всяком случае примеры несоответствий между повестью и летописными данными, приведенные исследователем, не дают ему никакого права утверждать, что «повесть не связана ни с основанием монастыря, хотя и говорит о нем, ни с личностью строителя» (с. 104).

По мнению А. де-Витт, исторический Щил — «пассивен». Но откуда это известно исследовательнице? Откуда ей вообще известно, как исторический Щил относился к постройке церкви. Из летописи? Летописный текст, по нашему мнению, не дает повода к таким смелым заключениям, а если и давал бы, кто поручится за достоверность таких подробностей его показания?

Совершенно неубедительна и ссылка на то, что в повести упоминается архиепископ Иоанн, тогда как в действительности Щилов монастырь был основан при архиепископе Давиде; мало популярное имя Давида автор повести или носители устного предания о Щиле могли позабыть и заменить его именем архиепископа Иоанна II (1388 — 1415) или, что гораздо вероятнее, эпическим именем первого новгородского архиепископа Иоанна I (1165 — 1186).

Ссылка на то, что в повести Щил называется посадником, а в летописях мнихом, была бы убедительной, — но только в том случае, если бы автору удалось доказать, что у составителя повести о Щиле или носителей устной легенды о нем не было и не могло быть поводов окрестить посадником монаха Щила.